

© 2019 г.

А. А. ИВАНОВ

БРИТАНСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ И ДИСКУССИИ ВОКРУГ СОЗДАНИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ КОАЛИЦИИ В 1918–1919 годах

Иванов Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургской государственной академии ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004843-5

Приход большевиков к власти в России в 1917 г. стал для руководства стран Антанты событием не только военно-политическим, но и геополитическим. В случае осуществления планов советского правительства по распространению революционных идей в Европе, которых не скрывали ни В. И. Ленин, ни Л. Д. Троцкий, баланс сил на континенте мог серьезно измениться и даже оказать влияние на саму систему международных отношений. Так, в октябре 1918 г. один шведский журналист писал, что дальнейшее распространение большевизма «окончится полным крахом цивилизации»¹. Более того, отказ большевиков от выплат по долгам предыдущих российских правительств, а также последовавшие за этим национализация промышленности, банков и введение государственной монополии во внешней торговле означали огромные экономические потери для Британии, Франции и США.

Хотя ключевыми среди стран Антанты торговыми партнерами и инвесторами России в предвоенный период была Великобритания и Франция, на фоне первых мероприятий большевиков во главе государства и другие европейские страны (Дания, Нидерланды, Италия, Швеция и т.д.) имели мотивы к включению в антибольшевистскую борьбу для защиты своих интересов. На этом фоне заверения главы Казначейства Э. Бонар Лоу в декабре 1917 г., что большевистский режим вскоре падет, а новое российское правительство столкнется с тем, что без зарубежной финансовой помощи восстановление страны невозможно, выглядели малоубедительными.

Настроения пессимизма в отношении РКП(б), царившие в Европе, были в целом выгодны британской военной и политической элите, среди представителей которой идеи силового противодействия росту и распространению влияния Советской власти приобрели широкую популярность. Дело было в том, что возможность создания антибольшевистской коалиции, во-первых, позволяла не отвлекать с фронтов мировой войны задействованные в боевых операциях английские войска, а во-вторых, не противоречила ратифицированной Британией в начале XX в. «конвенции Драго-Портера», которая провозглашала недопустимыми в практике международных отношений вооруженные методы взимания долгов по государственным займам. Тем самым наличие политических и идеологических, а не только экономических противоречий между капиталистическими странами Европы и РСФСР обеспечивало возможность представления военной интервенции как операции, не связанной с внешнеэкономической политикой большевиков.

При этом сама по себе необходимость возвращения долгов российских правительств открыто подчеркивалась английскими парламентариями – например, депутат

---

¹ National Archive of the United States (далее – NAUS), RG59, file 763.7211/2074, p. 1.

палаты общин Дж. Кинг заявлял, что хотел бы видеть в России такое правительство, которое «не откажется от уплаты долгов по иностранным займам, даже если они были сделаны жестоким царем», «будет уважать капиталы, вложенные иностранцами в эту страну, и охранять эти капиталы», а британскому кабинету всеми силами следовало «оберегать и защищать» собственность английских частных фирм в России².

Надежды на то, что правительство В. И. Ленина будет свергнуто без иностранного участия, не разделял английский посол в России Дж. Бьюкенен, который уже 10 декабря 1917 г. уведомил свое руководство, что в личных беседах россияне склоняются к мысли, что большевики установили свою власть надолго и не намерены больше удерживать Восточный фронт, так как «армия полностью деморализована». При этом прогнозировалось, что большевистская партия будет полностью контролировать Учредительное собрание, гарантировав этим легитимность своему режиму³.

В итоге 23 декабря Великобритания и Франция подписывают соглашение о совместных действиях против большевиков. Характерно, что с британской стороны данный документ был подписан по инициативе министра по делам блокады Р. Сесила, Военного министра А. Милнера, а также генерала Дж. Макдоноу, возглавлявшего военную разведку и контрразведку. Фактически выработку стратегии решения «русского вопроса» взяло на себя военное руководство империи, а не руководители ее внешнеполитического аппарата. Министр иностранных дел А. Дж. Бальфур, напротив, крайне скептически относился к идее отправки войск в Россию, что стало одним из важнейших аспектов внутриведомственных споров в британском правительстве на протяжении 1917–1919 гг.

Наибольшим влиянием на Д. Ллойд Джорджа на тот момент обладали выше-названные представители силовых структур. Милнер еще до прихода большевиков к власти неоднократно обращался к премьер-министру с предложениями активизировать участие в русских делах⁴, чтобы избежать политических осложнений в будущем, и свержение Временного правительства во многом подтвердило его прогнозы. Что касается генерала Макдоноу, то на протяжении 1917 г. в качестве советника он часто сопровождал Ллойд Джорджа на различных политических мероприятиях, куда не приглашались сотрудники британского МИД. По мнению премьера, «обсуждение [важных тем] с людьми, не уполномоченными говорить от лица своих стран», было пустой тратой времени, поэтому консультации с разведчиками, обеспечивавшими лидеров воюющих стран оперативной информацией для принятия решений, казались ему важнее ознакомления с мнением дипломатов⁵.

В результате изучения поступающих из России разведсводок, британским руководством было принято решение о начале военной интервенции в РСФСР. Ее теоретической основой служила концепция «малых войн», предложенная полковником Ч. Колвеллом еще в 1896 г. и заключающаяся в преимущественном использовании разведывательно-диверсионных органов и партизанских отрядов для ведения войны на территории «нецивилизованных» стран, отличавшихся слабой инфраструктурой театра военных действий⁶. Этот подход позволял вести боевые действия малыми силами за счет эффективного использования спецслужб как конкурентного преимущества Британии перед непрофессиональным противником. Фактически английская военная разведка, сформированная незадолго до начала Первой мировой войны, в условиях эскалации конфликта Антанты с Советской Россией в 1918 г. получила

² House of Commons Debates, 27.II.1918, v. 103, col. 1496.

³ См.: NAUS, RG59, file 763.72/82621/2, p. 3–4.

⁴ *White S.* Anglo-Soviet Relations 1917–1924: A Study in the Politics of Diplomacy: Thesis, v. 1. Glasgow, 1972, p. 34.

⁵ *Warman R. M.* The Erosion of Foreign Office Influence in the Making of Foreign Policy, 1916–1918. – *Historical Journal*, v. 15, 1972, p. 136, 137, 142.

⁶ *Callwell C. E.* Small Wars: Their Principles and Practice. Lincoln, 1996, p. 54, 56.

возможность доказать состоятельность разработанных ее сотрудниками неортодоксальных методов достижения победы.

Для руководства спецслужб этот шанс имел огромное значение, поскольку позволял сохранить авторитет и влияние на политическое руководство империи и после окончания мировой войны. Если учесть, что к 1918 г. бюджет британских секретных служб по сравнению с предвоенным периодом вырос почти в 25 раз⁷, окончание вооруженного конфликта в Европе должно было сделать актуальным вопрос о дальнейшей судьбе этих ведомств, занимавшихся весьма дорогостоящей деятельностью. Соответственно, успех в Советской России мог послужить аргументом в пользу необходимости сохранения спецслужб для решения широкого спектра военно-политических задач даже при отсутствии открытых вооруженных конфликтов.

Как следствие, руководящую роль в планировании и осуществлении военных операций британских войск на севере, юге и востоке России на протяжении 1918 г. играли не столько боевые офицеры, сколько руководители разведывательных структур — Дж. Макдоноу, В. Келл, М. Смит-Камминг, Р. Стил и др.⁸ Тем не менее достичь сколько-нибудь заметных успехов в борьбе с большевиками им не удалось. Как оказалось, реализация планов интервенции требовала куда больших ресурсов, чем предполагалось вначале. Запросы на дополнительное финансирование, поставки продовольствия и подкрепление свежими воинскими частями регулярно поступали в Лондон как от командиров экспедиционных сил в России⁹, так и от начальника генштаба Г. Уилсона, который к концу 1918 г. признал, что без подкрепления в 15 тыс. солдат британские войска не смогут начать наступление на Петроград, поэтому от данных планов вообще следовало бы отказаться¹⁰.

Непростыми были и отношения между участвовавшими в интервенции державами Антанты — скажем, англичан не устраивало нежелание американцев поставлять продовольствие в занятые «белыми» регионы, а американцы были недовольны отношением к ним британских командиров на фронте¹¹. Полковник армии США Дж. Рагс в своих донесениях регулярно указывал на низкий уровень подготовки офицеров британской армии, а рядовые солдаты отмечали их безразличное отношение к потерям. Таким образом, коалиционный характер интервенции требовал высокого уровня согласованности действий, чем Британия, Франция и США в 1918–1919 гг. похвастаться не могли.

В это время большевизм стал превращаться в явление международного масштаба — британские разведчики регулярно фиксировали рост радикальных социалистических настроений в различных странах. Например, в начале ноября 1918 г. подобный отчет был составлен о Швейцарии, где распространение революционных идей поддерживалось как большевиками, так и немцами. По данным разведки, именно из Швейцарии приезжали в соседнюю Австро-Венгрию большевистские агитаторы, призывавшие к свержению монархии. Любую крупную забастовку или митинг сторонники советской власти пытались использовать для эскалации социально-политического конфликта и инспирирования революции¹². В конечном счете, революция в Германии в ноябре 1918 г. окончательно укрепила англичан в убеждении, что большевики пытаются усилить свое влияние в Европе. Британский разведчик американского происхождения Дж. Д. Херрон 11 ноября 1918 г. представил следующий прогноз

---

⁷ *Madeira V.* *Britannia and the Bear: The Anglo-Russian Intelligence Wars, 1917–1929.* Woodbridge, 2014, p. 75.

⁸ *Plotke A. J.* *Imperial spies invade Russia: The British Intelligence Interventions, 1918.* London, 1993, p. 1–10

⁹ См.: Public Record Office (далее — PRO), CAB/23/42, p. 16a; CAB/24/70, p. 10, 11.

¹⁰ См. PRO, CAB/24/71, p. 106–107.

¹¹ *Lee A.* *US Intervention in Russia 1918–1920: the Forgotten Mutiny.* — *The Journal of Undergraduate Research at Minnesota State University*, v. 11, 2011, p. 10.

¹² См. PRO, CAB/24/69, p. 58a, 59–60.

политической ситуации в Европе: «Большевики повсюду у дверей разбитой европейской цивилизации... Они собираются свергнуть бывших австро-венгров в состояние немыслимого и разрушительного хаоса. Они ожидают, что этот хаос переберется в Италию и распространится по Франции. Германия может быть обречена на большевистское безумие»¹³.

В результате всего этого отношение Д. Ллойд Джорджа к силовым структурам начало меняться. Одним из ключевых событий стало заседание кабинета 31 декабря 1918 г., на котором премьер-министр, подводя своеобразные итоги деятельности разведывательных структур за прошедший год, обратил внимание, что в вопросе о действиях в России курс «часто склонялся в одном направлении, а затем в другом из-за полного противоречия между сведениями, приходившими из России от одинаково авторитетных людей. На самом деле у нас нет достоверных или хотя бы поддающихся проверке фактов»¹⁴. Для спецслужб эти слова были равносильны признанию их неэффективности со стороны Д. Ллойд Джорджа.

Глава правительства был не далек от истины, так как качество работы британского разведывательного аппарата в годы мировой войны часто не выдерживало никакой критики. По данным современных исследований, в рассматриваемый период «разведсводки часто основывались на иррациональных идеях, вводивших политиков в заблуждение»¹⁵. К примеру, с сентября 1918 г. по сентябрь 1919 г. разведывательные структуры Военного министерства подготовили 44 сводки, прямо или косвенно касавшихся военной, политической и экономической ситуации на Русском Севере. Анализ этих материалов показывает, что описание боевых действий чаще всего сводилось к перечислению успехов войск белых и сил интервентов. В 29 сводках подробно описывались победы над частями Красной Армии, и лишь в 6 сводках речь шла о ее успехах. Как правило, разведчики доносили, что советские войска «отступили», «были вытеснены», «отброшены» или «разбиты»¹⁶. Исходя из этого, могло показаться, что действия экспедиционных войск позволяют как минимум стабилизировать линию фронта, а возможно, и добиться разгрома Красной Армии. Однако все эти факты приводились на основании отчетов боевых командиров и не подвергались какой-либо проверке. К примеру, если из радиоперехвата или донесений агентуры в сводку попадали данные о захвате советскими войсками какого-либо населенного пункта, уже в следующее информационное сообщение включалось опровержение английского генералитета.

Вообще уже с 1914 г. сотрудники службы полевой разведки на фронте из-за явно-го непрофессионализма в деле добывания информации, как правило, использовались высокопоставленными офицерами в качестве секретарей и лакеев. Разведчики часто не могли даже уяснить суть идеологии противника — например, полковник Ф. Бейли охарактеризовал свою работу так: «Мы знали, что большевики находятся у власти, но никто точно не знал, кто такие эти большевики и каковы их цели»¹⁷.

Неудивительно, что при отсутствии заметных успехов разведки в сфере антибольшевистской борьбы уровень доверия к ней премьер-министра с конца 1918 г. постепенно падал. Это повлекло за собой почти трехкратное снижение уровня финансирования секретных служб в 1919 г., а также смену руководства силовых ведомств: на пост Военного министра вместо А. Милнера был назначен У. Черчилль, а генерала Дж. Макдоноу в руководстве разведки и контрразведки сменил генерал У. Туэйтес.

Сложно сказать, разделял ли Черчилль идеи Колвелла, однако ряд современных исследователей сходится во мнении, что спецслужбы являлись для него одним из

¹³ NAUS, RG59, file 763.72119/2880, p. 14–15.

¹⁴ PRO, CAB/23/42, p. 92a.

¹⁵ *Williams C.* The Policing of Political Belief in Great Britain, 1914–1918. London, 2002, p. 2.

¹⁶ Подсчитано по: NAUS, RG120, file 69, p. 265–546.; file 20.22.A, p. 1–78.

¹⁷ *Bailey F. M.* Mission to Tashkent. Oxford, 1946, p. 26.

важнейших инструментов достижения победы над большевизмом¹⁸. Собственно, это мнение разделяли и другие представители политического руководства империи. Однако в январе 1919 г. первый лорд адмиралтейства У. Х. Лонг обратил внимание членов кабинета на то, что распространение социалистических идей представляло опасность для внутреннего положения Британии, но арсенал средств военной разведки и контрразведки в плане противодействия политическим акциям большевиков и их союзников был недостаточен¹⁹. В этой связи У. Х. Лонг предлагал учредить новую разведывательную структуру, способную действовать не только по военной, но и по гражданской линии.

В попытке доказать эффективность подчиненного ему военного аппарата, У. Черчилль 21 февраля 1919 г. представил правительству меморандум «Успехи большевизма в Европе»²⁰. Интересно, что автором данного документа значился комиссар Скотлэнд-Ярда Б. Томсон, в чьи непосредственные обязанности сбор соответствующих сведений не входил. Однако следует учитывать, что в предвоенные годы руководители британской контрразведки привлекали его для ареста лиц, заподозренных в шпионаже, поскольку таким правом их ведомство не обладало. Учитывая подобные связи, можно полагать, что содержащиеся в меморандуме сведения были собраны не Скотлэнд-Ярдом, а разведслужбами. Томсон являлся, видимо, лишь номинальным автором, чье имя в заголовке должно было скрыть от членов кабинета участие разведки в составлении данного документа, поскольку после неудачи разработанных ими планов интервенции уровень доверия к спецслужбам сильно упал.

Как бы то ни было, в меморандуме указывался целый ряд стран, где социалистическая пропаганда может иметь успехи. Во Франции и Бельгии в связи с ростом безработицы, в Нидерландах — из-за нехватки продовольствия, в Испании — в связи с развитием сепаратистского движения в Каталонии и т.д. Среди государств, где уже отмечен рост соответствующих настроений, назывались Швейцария, Австрия, Румыния и Чехословакия. Некоторое недовольство составителей меморандума вызвала позиция Португалии, где правительство отказывалось верить в возможность начала революции, хотя в стране уже были задержаны минимум два агента-пропагандиста.

Наибольшее внимание в меморандуме уделялось Англии и Германии.

Так, к числу сторонников эскалации социальных конфликтов на Британских островах причислялись марксисты Дж. Маклин и С. Панкхёрст, причем автор сетовал на то, что «мало делается для противодействия их революционной пропаганде». Вдобавок имевшие место незадолго до этого забастовки рабочих Глазго и Белфаста представлялись скоординированными акциями, которые являлись лишь подготовкой более масштабных выступлений с целью «свергнуть социальный строй». Для подавления таких акций рекомендовалось привлекать как полицейские, так и военные силы, поскольку их организаторами выступали подпольные общества, имевшие связи с РСФСР. В качестве доказательства приводился призыв Советского правительства от 25 января 1919 г. к объединению рабочих организаций в разных странах в новый Интернационал — в нем упоминались семь групп, действовавших на территории Великобритании, некоторые из которых были совершенно неизвестны местной полиции²¹.

Что касается Германии, то после победы Ноябрьской революции и образования марксистской организации «Союз Спартака», вошедшей в состав немецкой Коммунистической партии, именно эту страну стали считать едва ли не главным экспортером революционной идеологии в Европе. Помимо тесных связей с РСФСР, этой деятельности способствовало привлечение к распространению агитационных материалов

¹⁸ *Stafford D. Churchill & Secret Service*. New York, 1999, p. 121.

¹⁹ *Hinsley F. N., Simkins C. A. G. British Intelligence in the Second World War*, v. 4. New York, 1990, p. 5.

²⁰ PRO, CAB/24/75, p. 264–267a.

²¹ *Ibid.*, p. 267–267a.

немецкой разведки — в меморандуме отмечалось: «Старая секретная служба остается нетронутой и обеспечивается финансированием, которое почти целиком идет на большевистскую пропаганду в союзных странах»²².

Именно с работой германских спецслужб связывалось распространение социалистической литературы в Швейцарии и Испании. Например, в начале января 1919 г. полицией в одной из деревень недалеко от Берна был обнаружен склад таких материалов на английском, французском и итальянском языках. Хотя эти памфлеты вполне могли принадлежать местной Коммунистической партии, чья политическая программа имела много сходств с РКП(б), в меморандуме авторами назывались немецкие дипломаты в Берне Г. Ф. фон Ромберг²³, знакомый с В. И. Лениным, и майор Б. фон Бисмарк, имевший связи с военной разведкой²⁴.

Вообще в начале XX в. стремление показать действия противников Британии как результат германских интриг являлось частью традиционной политической риторики — немцам влиянием объясняли и вступление в войну Турции в 1914 г., и приход к власти большевиков в России, и начало англо-афганской войны в 1919 г., и восстание в иранском Тебризе в 1920 г.²⁵ Тем не менее представить военную интервенцию в РСФСР как антигерманскую уже не было никаких возможностей — к ноябрю 1918 г. в сводках британской разведки прямо указывалось: «Нет ни слова правды в донесениях... что русскими частями командуют переодетые в русскую форму немецкие офицеры»²⁶.

В сложившихся обстоятельствах подчиненные Черчилля попытались сделать акцент не на связи большевистских лидеров с разведкой кайзеровской Германии, а на общности интересов социалистического правительства РСФСР и немецких марксистов по экспорту революции в Европе. Получалось, что объединение усилий Германии и РСФСР в вопросе распространения социализма в мире делало противодействие этой пропаганде задачей стран Антанты, объявивших Германии войну. Таким образом, большевики более не выглядели лишь ставленниками немецкого Генштаба — теперь и Германия, и Советская Россия представляли для Британии равную степень угрозы.

Так, опасения вызывало создание в начале марта 1919 г. Коммунистического Интернационала как специального органа, координирующего борьбу революционных сил с капитализмом в разных странах. Кроме того, британских политиков — например, бывшего вице-короля Индии Дж. Керзона — беспокоили сведения разведки об установлении контактов между большевиками и представителями индийского национального движения²⁷. С января 1919 г. в Генштаб поступали сигналы, что советское правительство в скором времени «может отправить войска к афганской границе, чтобы попытаться разжечь афгано-индийский конфликт», а население Афганистана уже «готово присоединиться к большевикам» для освобождения Азии от «британского ига»²⁸. Исходя из этого Дж. Керзон стал высказываться в том смысле, что большевизм является лишь «прикрытием русского империализма», который стремился укрепиться в Азии еще на рубеже XIX–XX вв. Тогда он придерживался мнения, что

²² Ibid., p. 265a.

²³ Ibid., p. 266.

²⁴ См.: *Trumpener U.* The Service Attachés and Military Plenipotentiaries of Imperial Germany, 1871–1918. — *The International History Review*, v. 9, 1987, № 4, p. 621–638.

²⁵ *Morris P.* Intelligence and its interpretation: Mesopotamia 1914–1916. — *Intelligence and International Relations, 1900–1945*. Exeter, 1987, p. 89.

²⁶ Australian War Memorial, file 4–1/9/21, p. 12.

²⁷ См. *Bose A. C.* The Indian Revolutionaries and the Bolsheviks: their early contacts, 1918–1922. — *Asian Studies*, v. 8, 1970, № 3, p. 338.

²⁸ См. *British documents on foreign affairs: Reports and papers from the Foreign Office confidential print*, p. II, ser. A. Frederick, 1984, p. 214.

«русские политики и русские генералы не настолько глупы, чтобы мечтать о завоевании Индии»²⁹, однако ослабление Британской Империи в ходе мировой войны и стремление колониальных владений к независимости могли дать России определенные преимущества.

В этой ситуации для защиты Великобритании от угрозы социалистической революции и сепаратизма Черчилль, на основании рекомендаций чинов разведки, полагал возможным рассчитывать на помощь тех стран, где большевизм уже получил некоторое распространение или имел тенденцию к этому. Следовательно, для продолжения военно-политической борьбы с РСФСР британцам требовалось мобилизовать союзников уже под лозунгами борьбы с большевизмом, а не с державами Тройственного союза.

Главенствующая роль отводилась Соединенным Штатам Америки, которые должны были забрать у Британской Империи лидерство в антибольшевистском лагере. Американцам было прямо заявлено еще в начале декабря 1918 г., что после четырехлетней войны Британия не имеет возможностей наращивать свое военное присутствие в России, поэтому «дальнейшие действия в основном будут зависеть от договоренности между союзными правительствами, имеющими в своем распоряжении большие силы»³⁰. Однако Президента В. Вильсона события в Советской Республике интересовали слабо. Когда в конце 1918 г. американский дипломат Р. У. Имбри, находившийся в Петрограде на нелегальном положении, включил в один из своих отчетов сведения о положении дел в Мурманске и Архангельске, то получил из Вашингтона указание сосредоточиться на наблюдении за перемещениями немецких вооруженных сил³¹. Значительная часть американских дипломатов разделяла мнение, что в европейских странах условия не благоприятствовали «революции русского типа» (т.е. социалистической), и изменить этого «не сможет никакая пропаганда»³². В. Вильсон придерживался похожих взглядов и считал, что именно отправка войск в РСФСР в 1918 г. подтолкнула многих русских патриотов к поддержке В. И. Ленина, и снова допустить такую ошибку неприемлемо. Таким образом, на военную поддержку интервенции со стороны США рассчитывать было сложно.

Неоднозначной была и позиция Франции. В декабре 1918 г. министр иностранных дел С. Пишон заявлял о готовности правительства «содействовать созданию украинской армии» для борьбы с советской властью, поскольку продолжавшаяся в России гражданская война угрожала стабильности Европы, и «деспотизм большевиков «хуже немецкого милитаризма»³³. Соглашаясь с необходимостью ограничить распространение революционных настроений из РСФСР в Европу, французское правительство и генеральный штаб в равной степени прибегали к услугам и белого движения, и лимитрофных государств, поддерживая обе группы, несмотря на противоречия между ними. Однако к началу 1919 г. это курс стал встречать все большее сопротивление не только со стороны палаты депутатов, но и некоторых военных. Так, полковник Л. Ламуш в январе 1919 г. в своих донесениях отстаивал мысль, что социалистическая пропаганда в европейских странах не имеет шансов на успех — например, в Болгарии «не может быть места большевизму», поскольку «большая часть населения состоит из крестьян, владеющих землей, которую они обрабатывают»³⁴. В середине марта маршал Ф. Фош на заседании Высшего Военного совета Антанты заявил, что «наиболее

---

²⁹ Cornor M. *Empire in the Shadows of the Bolsheviks: Thesis*. Boulder, 2013, p. 10; Stielaff A. *Soviet Influence in British India: Intelligence and Paranoia within Imperial Government in the Interwar Years: Thesis*. Boulder, 2011, p. 28.

³⁰ NAUS, RG59, file 763.72119/3512, p. 9.

³¹ Langbart D. A. *Five Months in Petrograd in 1918: Robert W. Imbrie and the US Search for Information in Russia*. — *Studies in Intelligence: Web Supplement*, v. 52, 2008, № 1, p. 2, 14.

³² NAUS, RG59, file 763.72119/3750, p. 8.

³³ *Ibid.*, file 763.72119/3829, p. 35–36.

³⁴ *Ibid.*, file 763.72119/3373, p. 11.

прочный барьер большевизму» обеспечат действия со стороны Польши и Румынии³⁵, а вовсе не войска А. В. Колчака, Е. К. Миллера или А. И. Деникина.

Интересно, что к концу 1919 г. Ж. Клемансо вообще пришел к выводу, что большую опасность для его страны представляет побежденная Германия, а не РСФСР. Вероятно, в этом его убеждали донесения французской военной разведки, в которых среди основных целей Совнаркома назывались поддержание мира с соседними государствами, восстановление торговых и дипломатических связей с Европой и подъем экономики, а советские вооруженные силы постепенно превращались в «трудовые армии», занятые возрождением промышленности. При этом Советская Республика в данных докладах называлась в числе стран, взаимодействие с которыми может восстановить баланс политических сил в Европе и стать союзником против немцев³⁶. Соответственно и Франция не демонстрировала желания отправить в Россию дополнительные войска.

Неожиданно высокую активность в вопросах координации противодействия большевизму проявила Дания. Сотрудники местной Центральной разведывательной службы этой страны регулярно снабжали свое правительство сведениями о подготовке революции в Нидерландах и призывали «готовиться к худшему». По их данным, в Аахене на границе с Бельгией находились тысячи немецких социалистов, готовых в любой момент поднять революционные восстания в соседних странах³⁷. В итоге сторонником «немедленной интервенции» в РСФСР стал бывший посланник в России Х. Скавениус. Подготовленный им доклад о ходе и перспективах Гражданской войны был заслушан представителями Британии, США, Франции, Италии и Японии 21 января 1919 г. Датский дипломат не скрывал, что в распоряжении белых было недостаточно сил для самостоятельной борьбы с Красной Армией. Он полагал, что «нет никакого смысла в интервенции малыми силами» и предлагал Антанте набрать среди своих граждан около 100–150 тысяч добровольцев, готовых присоединиться к Чехословацкому корпусу и войскам интервентов в России³⁸. Иными словами, активизация социалистической пропаганды в Европе, конечно, вызвала вполне очевидное беспокойство датских политиков, стремившихся к стабилизации внутривнутриполитического и экономического положения страны после мировой войны. Однако в решении этих проблем они надеялись на армии «великих держав», а не на собственные ресурсы.

Весьма любопытно, что едва ли не наибольший интерес к участию в антисоветской борьбе в конце 1918 – начале 1919 г. проявила Германия. В ее политической элите циркулировали идеи, имевшие мало общего с тем, что доносили британские спецслужбы – распространение большевизма считалось общей для стран Европы опасностью, и о союзе с РСФСР речи не шло. Уже в декабре 1918 г., стараясь развеять различные слухи, немецкий геополитик Ф. Науман в ряде публикаций доказывал, что «наша революция не похожа на большевистский переворот в России» и что «немецкий либерализм должен всеми силами противостоять большевизму»³⁹. Вообще в немецкой прессе постоянно звучали антисоветские лозунги. Публицисты писали, что «спасение мира от большевизма» станет «величайшим подвигом в истории», который совершит Германия; что «необходимо избегать любых контактов с большевиками»; социализм назывался «безумной русской идеологией», которая принесет немцам лишь «голод и бедствия»⁴⁰.

³⁵ Ibid., file 763.72119/4407, p. 44.

³⁶ Carley M. J. The Politics of Anti-Bolshevism: The French Government and the Russo-Polish War, December 1919 to May 1920. – The Historical Journal, v. 19, 1976, № 1, p. 164, 172–174.

³⁷ См.: Hijzen C. W. The perpetual adversary: how Dutch security services perceived communism (1918–1989). – Historical Social Research, v 38, 2013, p. 174–175.

³⁸ NAUS, RG59, file 763.72119/3750, p. 4–5.

³⁹ Ibid., file 763.72119/3512, p. 4.

⁴⁰ См.: Deutsche Allgemeine Zeitung, 12.V.1919; Neue Preußische Zeitung. 16.IV.1919; Die Post, 11.IV.1919.

Эти идеи разделяли и многие влиятельные политики — например, 3 февраля 1919 г. бывший канцлер Максимилиан Баденский выступил с предложением наладить взаимодействие между Германией и Антантой, что «могло бы сберечь Украину, прибалтийские государства и Польшу и отгородить большевизм от Европы»⁴¹. 6 марта того же года маршалу Ф. Фошу был направлен официальный запрос от германского правительства об объединении усилий в борьбе с распространением влияния РСФСР⁴².

Однако англо-немецкую или франко-немецкую коалицию против Советской Республики с трудом можно было считать вероятной, учитывая идеологические противоречия между странами, низкий уровень взаимного доверия после Первой мировой войны, а также негативный образ Германии и немцев в союзнической пропаганде.

В подобной ситуации сотрудники МИД посчитали одной из приоритетных задач Британской Империи во внешней политике поиск оптимального сценария смягчения конфликта с РСФСР. Один из самых очевидных вариантов заключался в подписании с советским правительством мирного договора, что было легко осуществить путем приглашения В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. В. Чичерина или других представителей РСФСР на Парижскую мирную конференцию. Однако такой вариант развития событий не только противоречил политическим убеждениям большинства лидеров белых, но и вызвал споры в правительственных кругах Британской империи.

Так, 2 апреля 1919 г. в очередном меморандуме МИД, на основании опубликованных в советской прессе выступлений главы Коминтерна Г. Е. Зиновьева, проводилась мысль, что заключение мира с Антантой станет для большевиков своеобразной передышкой в борьбе за мировую революцию. На базе имевшихся фактов делался вывод, что привлечение в интервенции дополнительных сил Франции или США не возымеет успеха, поскольку отношение русского населения к этим странам за последние годы серьезно ухудшилось, и на его поддержку более рассчитывать было нельзя. Большевики в свою очередь вполне готовы к установлению торговых и экономических контактов с капиталистическими странами, поскольку не располагают силами для немедленной эскалации конфликта⁴³.

В ответ на это 8 апреля Черчилль представил подготовленный его сотрудниками меморандум «Разгром большевизма». Ключевой тезис данного документа заключался в том, что большевизм как общественно-политическое явление представлял большую международную опасность, чем агрессия отдельных государств. В новых геополитических условиях Антанте требовалось «реорганизовать свои силы и объединиться с любыми людьми в Европе или за ее пределами, которые готовы сплотиться для уничтожения большевизма на международном уровне». Главная роль в процессе объединения антибольшевистских сил отводилась союзу Великобритании и США на базе «существующей англосаксонской дружбы». Причем первым шагом на пути к ослаблению революционного движения должна была стать экономическая помощь Германии, где голод, безработица и демилитаризация гарантировали популярность идей социализма⁴⁴.

Таким образом, министерство иностранных дел предлагало пойти на контакт с Совнаркомом ради экономических выгод, военное министерство же выступало за примирение с немцами и союз с США ради обеспечения политической безопасности.

Подчиненные Бальфура называли советскую пропаганду в Европе и Азии «абсолютно безуспешной»⁴⁵, поэтому Черчилль для укрепления собственной позиции 10 апреля 1919 г. представил кабинету секретный отчет разведки на тему «Большевизм в Германии». Из этого документа следовало, что «активность большевиков по

⁴¹ NAUS, RG59, file 763.72119/438, p. 62.

⁴² Ibid., file 763.72119/4020, p. 1–2.

⁴³ PRO, CAB/24/77, p. 392–394.

⁴⁴ Ibid., p. 439–439a.

⁴⁵ Cornor M. Op. cit., p. 25.

всей стране планомерно растет», число их агентов множится, а рядовые немцы в личных беседах называют социалистическую революцию в стране «неминуемой»⁴⁶. Эти оценки должны были подтолкнуть британское правительство в сторону активизации антибольшевистских действий в Европе, с чем не были согласны оппоненты Черчилля из МИД.

12 апреля 1919 г. дипломатические работники представили кабинету меморандум «Цели и стратегия большевизма». В документе, состоявшем всего из трех страниц, вновь затрагивался вопрос о заключении мира с РСФСР. Отталкиваясь от идеи, что главной силой большевиков являлась не боевая мощь Красной Армии, а изощренность политических пропагандистов, авторы меморандума предлагали альтернативный взгляд на проблему мирных переговоров. С их точки зрения, Ленин готов был пойти на мир на любых, даже самых невыгодных для страны условиях — большевики в этом случае выглядели бы жертвой правительства капиталистических стран, что лишь сплотило бы их сторонников внутри страны и, вероятно, позволило завоевать популярность среди оппозиционеров за рубежом⁴⁷. Во всем документе важнейшим тезисом служила следующая фраза: «В настоящий момент в Западной Европе агентами большевиков в основной своей массе являются их самые яростные критики»⁴⁸. По сути, это был скрытый призыв не доверять данным У. Черчилля о готовности Германии, Югославии или какой-то иной страны вступить в единый антибольшевистский лагерь.

Данный межведомственный спор, по всей видимости, был следствием конкретно-го события, а именно — провозглашения в марте 1919 г. Венгерской Советской Республики, чье правительство находилось в постоянном контакте с В. И. Лениным⁴⁹, поэтому лидеры «великих держав» сочли венгерские события прямым следствием курса большевиков на «мировую революцию» и их пропаганды в Европе.

Характерно, что еще в январе 1919 г. в госдепартамент США поступили сведения о возможном начале революции. Член Национального совета И. Черняк утверждал, что «если союзники продолжат вывозить из Венгрии экономические ресурсы, страна станет добычей большевиков», которые на ней не останутся, а «продолжат наступление на Запад»⁵⁰. При этом в распоряжении британского правительства аналогичных сведений в тот момент не было — в ранее упоминавшемся меморандуме «Успехи большевизма в Европе» за авторством Б. Томсона от 21 февраля 1919 г. о Венгрии не было ни слова⁵¹.

За недолгое время своего существования Венгерская Советская Республика вступила в конфликт сразу с несколькими странами — Чехословакией, Югославией, Румынией. В этих государствах также наблюдался рост активности социалистических партий и групп, однако принятые местными правительствами превентивные меры смогли удержать ситуацию под контролем⁵².

Эти события нашли отражение (достаточно детальное) в отчетах офицера американской военной разведки Дж. Кармазина, однако его донесения, которые пересылал в Вашингтон член исследовательской группы «Инкуайери» проф. А. Кулидж, оставались без внимания. Иными словами, американское правительство было осведомлено о революционной ситуации в восточноевропейских государствах, однако памятуя об опыте отправки войск в Россию в 1918 г., решило считать эти проблемы делом их внутренней политики. Позицию США четко обозначил официальный ее представитель

⁴⁶ PRO, CAB/24/77, p. 457.

⁴⁷ PRO, CAB/24/78, p. 97–98.

⁴⁸ Ibid., p. 97.

⁴⁹ NAUS, RG59, file 763.72119/4757, p. 94.

⁵⁰ Ibid., file 763.72119/3975, p. 3.

⁵¹ PRO, CAB/24/75, p. 264–267a.

⁵² См.: NAUS, RG59, file 763.72119/4642, p. 3–4; file 763.72119/4757, p. 31–32.

на Парижской мирной конференции Ф. Полк: «Вмешательство во внутренние дела Венгрии больше способствует развитию большевизма, чем любое другое действие»⁵³.

В Великобритании в данном вопросе политики и военные были настроены менее оптимистично, и американская точка зрения вызывала нарекания — доходило до того, что Б. Томсон объяснял проводимый американцами курс в европейских делах пропагандой, которую вела в США Социалистическая партия. По его данным, социалисты, действовавшие на легальных основаниях, адаптировали многие доктринальные положения большевистской политической программы и методы ее реализации⁵⁴. Исходя из этого, к весне 1919 г. английские спецслужбы уже отказывались видеть США в числе союзников по антибольшевистской коалиции, поскольку в обозримом будущем эта страна могла превратиться в противника Британской империи. Министр внутренних дел Э. Шорт даже в августе 1919 г. писал, что еще «нельзя сбрасывать со счетов США как центр большевистской пропаганды»⁵⁵.

В свете всех вышеприведенных фактов можно сделать вывод, что внешнеполитическая стратегия британских спецслужб пришла к кризису к концу весны 1919 г. Те государства, которые, с точки зрения разведки, могли (и должны были бы) принять участие в антибольшевистской борьбе, не имели для этого либо сил, либо желания. С другой стороны, готовность к совместным действиям против РСФСР выражала Германия, но ее участие, вполне выгодное стратегически, полностью противоречило политическим убеждениям членов кабинета и первоначальным заявлениям руководства спецслужб. Поэтому создание широкой антибольшевистской коалиции становилось почти неразрешимой проблемой.

В таком ракурсе утверждение Г. В. Чичерина в июне 1919 г., что Антанта и немцы вступили в сговор против Советской России, выглядит малоубедительным⁵⁶. Напротив, для Британии при невозможности дальнейшего расширения военного присутствия в России и нежелании союзников усилить экспедиционные войска новыми армейскими подразделениями, актуальным становился вопрос о примирении с Советской Республикой. Тем не менее главными сторонниками этого подхода выступали сотрудники МИД, не пользовавшиеся авторитетом у главы правительства. Этот парадокс, обусловленный межведомственными конфликтами в британском кабинете, значительно затруднял ослабление конфликта с РСФСР, поэтому лишь после ухода Д. Ллойд Джорджа с поста премьер-министра наметилось улучшение ситуации.

---

⁵³ NAUS, RG59, file 763.72119/6079, p. 1.

⁵⁴ PRO, CAB/24/79, p. 237–275a.

⁵⁵ PRO, CAB/24/86, p. 476.

⁵⁶ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 81–82.